

Виктор Рябинин

Нечистая сила

В прошлом и настоящем для успеха необходимо, чтобы писатель был кем-то вроде иностранца в той стране, о которой он пишет.

Варлам Шаламов

1

Баба Яга горемычно сидела на пне и безуспешно пыталась отремонтировать ступу. В своём кругу бабушка имела к тому же невразумительное прозвище Костяная Нога, данное ей каким-то упырём из молодых, впервые увидевшим Ягу в ступе и принявшим оную за единственную и почему-то костяную ногу старушки. Как бы там не было, но именно в это промозглое весеннее утро Баба Яга Костяная Нога безутешно склонялась над своею частной собственностью, бессмысленно копаясь сосновой палкой в её безжизненном чреве. В последнее время

летательный аппарат плохо слушался руля, а заходя на посадку, опрокидывался в самый неподходящий момент, вытряхивая наземь всё своё содержимое, словно куль с мякиной. Тут и без особого образования угадывалось, что была нарушена общая балансировка всей ступы. Да к тому же, ещё и пошаливал автонавигатор. В недавнем рейсе на Лысую гору агрегат, войдя самостоятельно в штопор, чуть было не плюхнулся посреди болот Замшелой пади. И не будь у пилота под рукой помела ручного управления, не избежать бы аварии на глазах у всего лешего выводка из чащоб.

А ведь совсем новая ступа и, главное, заморского исполнения! А сколько за неё обещано золота и серебра! Умом не сосчитать! Знамо дело, живой деньгой отдавать не придётся, но ведь слово-то заморской нечисти дадено. Мол, договоримся ещё до первого капремонта, а там посмотрим, что к чему. Вот теперь и думай об ответном подарке. Зря старую ступицу на растопку пустили и на прогресс польстились! А всё Кощей! Будто бы не солидно рассекать на отечественном хламье, мол, пусть горит синем пламенем, чтоб обратной дороги к застою старью и след простыл. Вот и согласилась, вот и позарилась на блескучую заманиловку азиатской разработки. Хоть долби теперь новую из родного дуба! Изготовили бы на пару с Бессмертным, да все выкройки давно

утеряны. И долото с коловоротом леший Федотка так и не вернул, хоть и обещался не то на Иванов день, не то на Петров возвратить в целости.

Не за горами, как опять на Лысую собираться. Ведьмы на сход пригласительный билет прислали. А какое собрание без Яги? Один смех, сплетни и лёгкая потасовка в конце ассамблеи! Вот теперь сиди и кукуй у разбитого корыта. Всё равно не разобраться в этой механике. А ведь всё было нормально ещё месяц назад! Аппарат и на бреющем, и в мёртвой петле не подводил. Да чего тут! На прошлых полуночных гонках вместе с этой ступой над всеми летунами и летуньями верх взяли! Правда, прямиком к победе Змей Горыныч рвался, да на радость публике в собственных головах запутался. Вот смеху-то было, когда он при всех зрителях правую голову на вираже собственным крылом прищемил. А теперь не то что гонки спроворить, так и за хлебным злаком в ближайшие закрома не слетать!

Ох, зря, зря лешака Федотку не послушала. Всё нудел супостат, мол, пора агрегату обслуживание делать. Мол, раз у них с водяным Викешкой собственная скобяная мастерская на паях, то за уважение и магарыч мухоморного настоя они враз всё уладят, как мастера на все руки, вплоть до развала колёс и клиренса, если такой ненароком обнаружится. Сэкономила тогда старая

на Федотке. Одного Викешку позвала. А тот лиходей так отрихтовал ступу кувалдой, так рашпилем приборы подровнял, что лишилась бедная подъёмной силы. Вот и выходило, что сглазил Федотка и прибор, и Ягу вместе с костяной ногой.

Теперь сиди тут, не знамо на что надеясь. И ведь обещалась Золушку в обед покатасть над ближними пажитями и умётами. А как не поспособствовать и не уступить отроковице? Ведь это единственная утеха на просторе старческих лет, ведь не зря она из петельки на берёзовом суку вынимала несчастную. И хоть совсем недавно это было, в последнюю зимнюю оттепель, но и за это короткое время спасительница так душой прикипела к Золушке, что даже не хотела в замужество отдавать. А ведь сватается не кто-нибудь, а княжеских корней сам-свет Кощей Бессмертный. По тутошнему-то Голубая Кость, как в насмешку прозвали местные вурдалаки, не найдя в нём княжеских голубых кровей, а одну голую костистость. Такая тоска берёт, когда о свадьбе подумаешь, что впору с молодлицей поступить как с Иванушкой-дурачком. На лопату и в печь от греха подальше. Это конечно крайность крайняя. Как-никак, но за мелкую свадебную уступку Кощей обещался поспособствовать на выборах в Верховный Совет Нечистой Силы. А он всё может!

Всё время за кого-то хлопочет. Всё время кого-то с белого света изводит! И всё ему нипочём! Как с гуся вода, как собаке пятая нога!

— Что старая пригорюнилась? — вдруг раздалось над волосатым ухом Бабы Яги.

Воздухоплавательница разом обернулась на скрипучий голос. Рядом с ней, присев на корточки, словно несущка над лукошком с яйцами, раскорячилась Избушка на курьих ножках.

— Где тебя носит? — не удостоив ответом хоромину, набросилась на неё Яга. — Я уже весь лес прочесала, ноги сбивши без лаптей.

— Притомилась я, — просто сказала Избушка, ответно игнорируя как бы зряшный вопрос, и вытянула лапы поближе к муравейнику. — Вот мураши ножки покусают, я и оклемаюсь.

— Опять за тетеревами гонялась или петуха из деревни силилась выкрасть, — догадалась хозяйка. — Неймётся тебе. Уже и на снос пора, из углов мох сыплется, а всё туда же, похабствовать да под себя подгрести.

— Я всё-таки по общим меркам кое-где баба-женщина, — обиделась Избушка, — и мне порой не только твои прихоти исполнять хочется, но и цыпляток по осени посчитать. Не всё же время сказки про Ильюшку Муромского слушать да картёжничать в очко на интерес.

— Ну, так как, догнала? — продолжала гнуть

своё Баба Яга, уходя прочь от скользкой темы.

— Куда там! Один глухарёк попался, да и тот лишь для токованья либо для лапши пригоден. Хоть вороньё отлавливай да бери на испуг. Измельчал лес. А вот, помнишь...

— Ты мне, девка, зубья не заговаривай, — осердилась Яга, — отойди и не мешай над аппаратом мыслить. Ступай лучше в заросли да дров, а не то и лапника подсобери. Может, какой путник на ужин забредёт да бабушку порадует, — и Костяная Нога вновь загрустила над ступой.

— А тут думай не думай, но надо Федотку с Викешкой звать да двухведёрную плату за труды заваривать, — уверенно заявила Избушка и раскорякой зашагала к бурелому. В лесу раздавался топор дровосека. «К ужину», — ухмыльнулось всем фасадом древнее строение.

Оставшись одна, Баба Яга попыталась сосредоточиться и прочесть мысли конструктора этой ступы. Скоро ей это удалось, и в мозгу поплыли замысловатые иероглифы. Но так как старая владела лишь кириллицей, латиницей и клинописью, то эти знаки примитивной письменности никакой расшифровке не поддавались. Она в сердцах стукнула ступу разводным ключом, который намедни отняла у забредшего на огонёк тракториста. Сельский-то труженик после тёплой встречи так вышел из ума и

памяти, что даже путём не смог объяснить назначение этой фигуристой железяки. Да, не надо было ей появляться сразу во всей красе. Недаром говорят селяне, что ежели поспешишь, кого хочешь до гробовой доски рассмешишь. Тракторист этот так и убежал в чащобу, хохоча во всё горло и нагоняя страх даже на кикимор.

— Бабушка, полно печалиться, — услышала она за спиной нежный голосок Золушки. — А не то пойдём и словно у приёмной матушки в терему, переберём два мешка овса пополам с чечевицей. Как раз к утру управимся. Все чёрные думы-то и отлетят прочь, как залётные мышки при солнцевосходе, — и она покорно сложила ручки на передничке.

— Тебе бы, неуёмная девица, лишь бы какую работу работать за-ради трудоустройства. Не зря мачеха крова лишила, как, кстати, и твоего отца, женского подседельника.

— А где тятя мой, Ермолай фон Цурюк, обедневший барон Курляндский? — прошелестела побелевшими губами девушка.

— В богадельне он. Переселился туда после того как всё твоё наследство новым дочкам раздарил.

— Не верю, — вскричала теперь уже полная нищенка. — Папаша в разуме был.

— Был да сплыл, как говорится в ваших

краях. Этой ночью ваш домовой Гришаня со скорбной вестью прибежал. Тебя не будили, чтоб не пугать до смерти. Любит он тебя. Говорил, что не раз ему под печку лапоть со щами ставила. Велел предупредить, что нет тебе обратной дороги к дому. Мачеха грозилась отравить тебя, чем ни попадя. Полюбовался тобою сонной да и ушёл восвояси. Такие скорбные дела, девушка.

— А куда же мне теперь? — сквозь слёзы и сопли выдохнула сиротина.

— Куда глаза глядят, — успокоила бабушка, — Чего реветь, раз на родину хода нет и принца на белом коне ты тоже просрала?

— Так я хрустальный башмачок и промерить не успела. Зазря тогда колдунам поверила, в ихние наряды как в свои облачилась да на царский бал до полуночи плясать отправилась. А когда по туфельке меня искать стали, мачеха ведь скороходов опоила, а башмачок выкрала ради дочек своих, хоть и не подошла обувка для чужих лап.

— Знаю. Тех гонцов потом обезглавили за пьянство на рабочем месте. Я бы четвертовала или вовсе прилюдную расчленёнку по мешкам устроила. А тебе бы самой надобно было в замок стучаться, принца на испуг брать. Мол, как хороводиться и прочее грехопадение, так медведём, а как отвечать, то мелким зайцем. А может быть и ещё какой романтикой на прочность венценосца

проверять, хотя бы в сфере интимных услуг, — и Баба Яга попыталась зардеться всей головой.

— Да я, бабушка, устыдилась своих нарядов затрапезных, лапоточек без подковырки, не то что у сенных девок, кокошника без позумента и передничка в золе, — вновь уронила слезу Золушка прямо на луговые травы.

— Не убивайся ты вдругорядь, — пожалела Яга девушку и пригладила нечёсанные патлы на её головушке. — Может и к лучшему это. Я ужотко тебе такого женишка и заступника сосватаю, что сам принц пред тобой осиновым листом дрожать будет, а мачеху со всем семейством на рудники спворим или к доменным печам приставим по знакомству.

— Правда, бабушка? — враз повеселела Золушка, помаргивая сухим оком. — А скоро ли? А кто мой суженый? А с каким доходом? А каких кровей?

— Не прыгай блохой по голой ляжке. Что причитается в своё время и получишь. Не мешай мне с техникой панибратствовать. Ступай к своим мешкам. Может нам и впрямь придётся к серьёзному ремонту готовиться да механиков наших угощать.

Ободрённая сердечно бабушкой, Золушка как малое дитё радостно запрыгала на одной кряжистой ножке под развесистые дубы к съестным припасам.

«Малолетка ещё, — тепло подумала Яга, глядя вослед будущей невесте, — надо бы Кощея поостеречь, а то посадят на цепь лет на двести за соращение против воли. Что ни говори, а дядька Черномор и тридцать витязей прекрасных в целомудрии пребывают, потому и сила у них большая накоплена на морском-то дне», — и она вновь впала в технические размышления.

Издали одновременно слышались визгливый скрип суставов, зубной скрежет и глухой костяной стук как при игре в бабки. Это вольной и скорой походкой к поляне выдвигался сам Кощей Бессмертный в своём обычном виде. Баба Яга давно к нему пригляделась, а поэтому и не испугалась до припадного мозгового потрясения, а лишь на краткое время впала в сумеречный обморок.

— Здорово, старая! — с поклоном приветствовал гость хозяйку. — Над чем это ты колдуешь? — весело спросил он, садясь прямо на ступу и закидывая мослы нижних конечностей одни на другие крест-накрест.

— Ты бы хоть плотский вид принял, а то ходишь как босяк. Глядеть совестно на тебя голого, — вместо ответа пожурила Яга пришельца.

— Ты меня всякого видела, — отмахнулся Кощей, но всё же принял вид купца второй гильдии, — А так сойдёт?

— Сойти-то сойдёт, но ведь всё равно ты не

из-за меня сюда шляешься.

— Что верно, то верно. В том и опасность, что воспылал я, Костяная Нога, страстью. А когда в теле, то такой прилив кровищи к органам образуется, что себя не помню и о наследниках задумываюсь. И всегда хочется, чтоб всё сладилось по неземной любви, как у смертных человеков. Чтоб прогулки в дождь под луной вдоль погоста, чтоб девица тряслась от безоглядного желания к сожителю, а не от страха, и чтоб Змей Горыныч ревновал в три головы, — и, унимая страсть, Кощей закурил самокрутку сухого мшаника пополам с коноплём.

— Вот, вот, парень, — оживилась и Баба Яга, — сам навёл на разговор. Ты Золушку до срока полной готовности тронуть не вздумай. Хоть до сороковин ейного побега дотяни, когда уже напрямую сговоримся. А не то тебе Черномор малолетнее педофильство пришлёт, — для верности пригрозила Яга.

— А некрофильство он ко мне не приторочит, если я по вашим советам ещё сотню-другую лет в замшелых бобылях проведу? — осердился Бессмертный. — Опять какую-нибудь пакость приготовила с оглядкой на азиатский калым? Я тебя не то что в Совет выдвину от нашего округа, но и вовсе уже не за Лысую гору, а за Уральский хребет задвину, — совсем разошёлся Кощей и чуть было

не поднял костистую руку на хозяйку.

— Что ты, что ты! — заверещала Яга, отскакивая в сторону и понимая, чтохватила через край. — Ишь, закипел самоваром. Я ведь только добра тебе желаю. От всех умственных щедрот своей головы! Я же тебе слово дала, а обратно не забрала! Так что существуй спокойно. Ожидай медовый месяц, — и она скабрёзно изобразила подобие понимающей ухмылки, но тут же стёрла её с лицевой своей части:— А это кто? — указала Яга на новое видение.

Действительно, из-за купеческой спины Кощея Бессмертного павой выступила женщина, по виду очень знатная и в дорогих одеяниях, то есть с самоварным золотом по всему горностаю. Под мышкой она держала опрятную головку, любопытно озирающую окрестности, а поверх же воротника самой дамы ничего не значилось.

— Это? — осклабился Кощей, заметив испуг старой. — Сие есть дорогой заморский гость, пред которым и шапку сломить не совестно. Это, — но тут же сбился с высокого штиля:— на это не обращай внимания. Просто ко мне в гости заглянула с okazji недавно казнённая королева Франции Мария-Антуанетта. Мы давно дружим, и нашему разговору она не помеха.

— Бонжур, мадам, — сказала голова из-под мышки и открыто улыбнулась.

— Силь ву плэ, — неожиданно для себя брякнула Яга, — проходите мадам, присаживайтесь, — и она указала на муравейник, где недавно грела ноги озабоченная Избушка.

— Мерси боку, — жеманно выдавила из себя голова синими губами, но осталась стоять, всем своим гордым видом выказывая способность к осознанной деятельности. На том общение дам и закончилось, не перейдя в тесное знакомство.

— Так зачем ты, Кощеюшка до уговорного срока пожаловал? — вернулась к своим баранам Яга.

Кощей Бессмертный не торопясь свернул другую сигарку из козьего помёта на треть с сушёным мухомором, затянулся, так что из под рёбер дым повалил и просительно, с оттенком доверия, произнёс:

— А заводи-ка, подруга дней моих суровых, свою ступу. Сгоняем в страны Восточные, похлебаем шурпу с баранинкой да навестим старого знаконца по прозванию Али-Баба. Должок за ним ещё со дня святого Сильвестра Курятника.

— С какой это стати по свету мотаться? — непреклонно отрезала Яга. Однако бабье любопытство, в обход разума, тут же взяло верх и она помягчала:— Про какой такой должок сказываешь, Кощеюшка?

— При посторонних промолчал бы, но тебе

скажу, — с придыханием, как бы выдавая страшную тайно, но явно набивая себе цену, Кощей зачистил:— Поведаю тебе как приятельнице и подельнице в наших скорбных делах. Мой приятель, хоть и восточный Али-Баба, но деньгу любит всё больше единолично, а потому часто без какой-либо завалыщей бабы обретаётся. То есть мощной трясти ради гарема не любит, хотя до свеженины большой охотник. Чтоб и молоденькая, и с опытом лет.

— Проще говоря, такой же как и ты пакостник. Говори по сути, не залезая под юбку, — перебила Яга, не любившая сальностей в серьёзных разговорах.

— Куда короче? — обиделся Бессмертный на такую напраслину. — В запрошлом месяце как раз на Силивестра Курятника был я приглашён на раут, — тут он приосанился и задрал нос, — был любезно приглашён в замок к старому знакомцу Синей Бороде. Гуляли, как умели, всей подноготной европейской знатью, весело и до слёз. Один Али-Баба бобылём грустил по углам. Вот и попросил меня посодействовать с прелестницей. А Синяя Борода как раз о ту пору готовил к закланию свою седьмую жену Трифину. То есть уже повёл обманным путём молодуху в потайную комнату, где всех освежёванных подруг жизни складывал, — на этом Кощей замолчал и предался

воспоминаниям. Но не прошло и получаса, как он со смехом продолжил:- Скажу тебе, Ягушка, большой затейник эта Борода. На людях так убивается по пропавшим супружницам, что век на него не подумаешь. Одним словом, наш человек, хоть и весёлый до припадков.

Тут Кощей уже невольно замолчал, так как из-под дуба послышался певучий голосок Золушки:

— Бабушка, а бабушка, ноженька костяная! А я уже мешки со злаками перебрала и по кучкам рассортировала. Что дальше делать?

Яга, увлечённо слушавшая собеседника, недовольно дёрнула плечом и в силу врождённой вредности прокаркала на весь лес:

— Так ссыпай эту чёртову крупу назад в мешки и перебирай по-новому, пока на дворе не стемнело, — и подвинулась к Кощей, оборотившись в слух:- Так что там далее с синебородской бабой?

— Да уговорил я Синюю Бороду не губить Трифину до времени, а отдать в услужение нашему восточному гостю и его сорока разбойникам.

— И уступил француз? — с ехидцей спросила Яга.

— А то! Запустить молодую кобылку в варнацкое стойло, это похлеще чем лечь на плаху. Хотя как кому повезёт, и с какой стороны посмотреть. Но меня хозяин замка аж обнял и всё

руки потирал, догадываясь в какой переплёт попадёт лебёдушка.

— А за что в такую немилость вляпалась сердечная? — как бы вскользь посочувствовала Яга.

— За длинный нос. Совала куда ни попадя. Супруг только на войну с сирацинами налачился, а она уже шлёп-шлёп и прямо по кровавым следам от прошлой супруги рыцаря к потайной кладовке прискакала. А когда печально знакоилась с бывшими хозяйками замка самолично, Синяя Борода и нагрязнул за позабытыми в спешке доспехами. Ей бы, дуре, пройти мимо такого погоста да глаза отвести, она же наоборот, заголосила на весь французский приход, призывая в свидетели сестру Анну, которая о ту пору помогала ей по хозяйству и пребывала в отдохновении возле верхних бойниц цитадели. Синяя Борода тогда дело загладил, объяснив всё распространением чумы и язвы, но как раз на этом балу, под фейерверк и салюты, надумал указать своё место среди прежних жён и седьмой заполошной супруге.

— Ну, за самовольство надо наказать, тут никто возражать не станет, — разумно заметила Яга. — Значит, восточный азиат увёз-таки в свои края бабёнку, укрыв от наказания?

— Даже конца праздника не стал дожидаться. Поспешил трофеем с собратями поделиться. А вот

теперь чистая беда. Борода отдавал Али-Бабе в пользование Трифину всего на месяц, от Сильвестра Курятника до Досифея Гусятника, а потому требует жену назад для справедливого самосуда. Азиат же и думать об этом забыл. Говорит, мол, в ихних краях так к мадам душой и телом народ прикипел, так не нахвалятся её расторопностью и умением, что даже янычар к ней приставили для караула. Дело дошло до того, что сам Али-Баба французский язык выучил, а стражники от Трифины французский насморк по третьему разу даром заполучили. Все сорок разбойников укусом и молитвой до сей поры предохраняются.

— Во-от какие очевидные невероятности в мире происходят. Во-от какие страсти кипят в подлунном мире, — вроде как мечтательно протянула Баба Яга. — А тебе-то какое дело до всего этого? Пущай сами разбираются посреди таких подарков.

— Так я же слово давал, что возвернётся жёнушка к хозяину. Да и дружбы с Бородой терять не хочется. Вот он Марию-Антуанетту для обмена прислал, тоже красавица да ещё и царских кровей, — и Бессмертный ласково погладил безголовый стан королевы.

— А королева-то согласна? — невольно спросила Яга, глядя в потухшие глаза страдалице.

— Как же, как же! Не только согласна, но и просит восточного убежища. Заел беднягу французский народ и его управители. Видишь, до срока старости головы лишили. Так что отвези ты нас в пустыни Аравийские. Поменяем Марию на Трифину да и дело с концом, — выдохнул облегчённо Бессмертный и приумолк устало, так как такие длинные речи давно не говаривал, а тем более с голым черепом и челюстной его составляющей. Он и сам толком не заметил, как в пылу красноречия вся купеческая личина слетела, словно с яблонь дым. Зато эти его последние слова вернули бабушку в суровую действительность, и она сказала, поджав губы:

— Я бы с дорогой душой помогла, да ступа моя сломалась, чёрт бы её побрал. Нелётная для неё погода уже вторые сутки. Может ты поможешь либо советом, либо рукоприложением к механизму?

— Нет, — отказался сходу Бессмертный, — я специалист по живому материалу. Живое в неживое могу, а наоборот — извольте не гневаться. Тут надобно Федотку с Викешкой кликнуть, они одним своим видом и мёртвого поднимут, — и он свистнул особым образом, то есть просто прогнав ветер через ушные дырки голой черепной коробки.

— Да и ты далеко не отлучайся, — Яга дёрнула Кощея за берцовую кость, — вдруг девка заявится. Только прими божеский вид да чучело

безголовое отошли в кусты. А не то невеста до гробовой доски в себя не придёт, не то что в замужество кинется.

— Твоя правда, — немедля согласился Кощей, шуганув Марию-Антуанетту и входя в обличье казака Стеньки Разина.

Вскорости прибыли леший с водяным. Оба-два в одинаковых засаленных фартуках и с железом в руках. Зато обличьем они очень разились. Если Федотка был похож на большую сосновую шишку, весь враслопырку, в сучках и задоринках, то Викешка выглядел недельным самоликвидировавшимся утопленником, тронутым не одним уже раком.

— Зачем изволил звать, родимый? — в один голос рявкнули мастера. — В чём непорядок или иной какой огрех?

— А вот в ней-то как раз и всё дело, — отстраняя Ягу могучим казачьим плечом от ступы, вразумительно начал Кощей:— Пока мы с хозяйкой чай гонять будем, вы этот аппарат наладите, испытаете и нам предоставите в наилучшем виде. Чтоб птицей летал и безо всякого отказа и вывертов при посторонней турбулентности, как говаривают старые летуны. И чтоб до захода солнца всё спроворили!

— Ну, это вряд ли, нам не к спеху, — тут же заключили знающие себе цену механики, — может

что и наладим через месяц-другой либо к Яблочному Спасу, а чтоб сей момент, то даже и у литейщиков с Урала кишка будет тонка, — и мастера принялись было обстукивать и оглаживать ступу со всех сторон.

— Не к Спасу, хоть бы и к Медовому, — повисил голос Бессмертный, — а на крайний случай к восходу, а то дружку закадычному, Змеюге Горынычу, подскажу, чтоб свою третью голову после недавнего насморка на ваших болотах и буреломах опробовал. У него после простуды горелки соплей забились. Вот и будет народу праздник — и осушение болот, и выжигание тайги под пахотные земли. Уяснили, соколы, диспозицию?

— А мы что? — опять в голос ответили умельцы. — Мы и говорим, что улетайте хоть завтра ко всем собачьим чертям и на любой скорости света. Эка невидаль, заморскую хреновину починить! Пейте чаёк да передавайте Горынычу приветы. А уж мы его и клюковкой, и рыбкой в любой час осчастливим, — и с этими надёжными словами Федотка и Викешка начали своё ремонтное дело.

— Зови свою Избушку, приглашай Золушку и пойдём мёд-пиво пить с брусничными шанежками, а ещё лучше — сбитень с овсяным киселём. Видишь, дождь стал накрапывать, — распорядился

хозяйски Кощей Бессмертный, поправляя казачью саблю поверх бархатных шаровар и оседлец на опрятной круглой голове.

За стол угнездились втроем, так как Золушке выпадала роль обслуги. На скатерть были выставлены и студень из бараньих голов, и холодец с хреном, и кровяная колбаса с потрохами. Тут же стояли кувшинцы с медовухой и крепкие отвары для хозяев из поганки бледной да сморчка толчёного. Не забыли и про шербет с кутьёй для Марии-Антуанетты, как для дорогой гостьи, хоть и без верхнего этажа. Для себя Золушка сбоку пристроила расстегаи по-скобарски да киселёк из морошки по рецептам сибирских самоедов. И пошёл тогда пир горой с песнопениями на два голоса с рассказами о подвигах Бессмертного и свершениях Бабы Яги.

— Ты бы, старая, на питьё не налегала, — урезонил, было, в полночь Бессмертный Бабу Ягу. — Как-никак, но скоро тебе за руль.

— А мне в полёте никто не указ, — огрызнулась бабушка, — кроме молоньи в руке Ильи Пророка. Токмо он с небес на землю сверзить меня может, да и то если я не на бреющем.

— Это за что тебе такие послабления в правилах воздухоплавания? — строго спросил Бессмертный, приосанясь под атамана, так как к столу с его стороны приблизилась Золушка с новой

порцией десерта из пареной репы и маковых кулебяк.

— А потому, милоч, что весенние дожди идут и у Илюхи зажигалка отсырела, — неумно пошутила Яга и зашлась девичьим рассыпчатым смехом. — Ты, вон, лучше свою королеву приструни, а то она прямиком за воротник заливает. Как бы головушку не потеряла.

— За неё не беспокойся, — отмахнулся Кощей, — у неё выпивка до головы не доходит. Это она злоупотребляет по привычке, которая ещё с революции осталась.

— Тогда зря только продукт переводит, — недовольно пробурчала хозяйка. — Её бы пробку в горловину приспособить, а то, гляди, через край польётся.

— Мерси боку, мадам, — из подмышки произнесла голова, помаргивая водянистым глазом и соображая что речь идёт о ней.

— Боку так боку, — согласилась Яга и влила добрый ковшик медовухи в тулово Марии-Антуанетты.

— А не задать ли нам трепака? — взвеселился вдруг Бессмертный и топнул под столом обеими ногами, рукавом же сметая со стола берестяной кузов с разносолами из заячьей капусты пополам с муравьиными яйцами свежей кладки.

— Уймись, — осадил Яга, — моя изба и так

пузырём раздулась от нашего праздника. — Вон, из пазов мох уже вываливается. Того и гляди повыгоняет под дождь. По весне и я с ней не всегда справляюсь.

— Ну разве что так, — неволя себя, согласился Бессмертный. — А кличь тогда Золушку. Что это она с нами в таком застолье почти не участвует? Желая ей, как суженый жених, бока помять да поцелуем наградить.

— Сиди, Кость Голубая, спокойно. Жди своего часа и помни о Черноморе со товарищи. До свадьбы даже не облизывайся. Не созрела ещё девка, чтоб без слёзного скандала подставиться. Пусть за печкой посидит, как и положено по нашему уставу, — поставила точку в разговоре Яга и, наконец, обратив внимание на королеву, спросила:

— А чего эту у нас Марьюшка из-под рукава хлопочет, будто куда собирается?

— На двор просится, — догадался Кощей, — видать многовато влили в утробу. Голова не успевает контролировать все процессы.

— Так отведи за угол. Хоть под руки, хоть в обнимку, — посмеялась в одиночку Баба Яга.

— Вот ещё! — заколобродил Кощей. — Из самой Франции самоходом припёрлась, а тут провожатые в таком мелком деле требуются. Давай песни играть про утёс на Волге.

— А ну-ка проводи девушку до места, — повысила голос на правах хозяйки Яга. — Это я тебе как женщина говорю. В незнакомом месте можно и на полпути всё добро расплескать. Иди уже, хоть голову поддержишь, пока нужда не иссякнет, — и она снова радостно заухала одинокой неясностью.

Возражать было без толку, поэтому и повёл Кощей Антуанетту прямо в весеннюю распутицу, непогодь и слякоть. Погода в ночь не на шутку испоганилась. Небесные хляби в три ручья, ветер штормовыми порывами, тьма хоть глаз выколи. Вот и думай, как Машку пристроить, чтоб ничем лишним не обмочиться помимо дождя. Лес шумит буреломом, деревья натужно скрипят, из дупел белки вываливаются, и лишь с ближайшей поляны доносится размеренный стук молотков и скрежет покорёженного металла, как свидетельство созидательной деятельности Федотки и Викешки.

— Как тебе казак-то наш? — тем временем любовно пыталась старая Яга молодую Золушку. — Экий, право, молодец, а уж работник, так прямо золотые руки, ничего мимо не пронесёт, всё в дом, всё в дом!

— Хороший будет хозяин, если на войне не убьют, — согласилась домовитая Золушка. — Вот, только пьёт много, я из-за печки всё вижу. Ведро, поди, уже вылакал.

— Ты на это не отвлекайся, — посоветовала Яга. — Пьян да умён — два угодья в нём! Ты к нему приглядывайся, а если что, так и свадебку недолго сыграть. Будешь за ним, как за каменной стеной, — и она прыснула в ладошку, припоминая мощи Бессмертного.

В ответ на это за печкой даже шуршание юбок стихло. Зато громко хлопнула входная дверь и в избу, кроме отлучавшихся по мелкой, но неотвратимой нужде гостей, ввалился Змей Горыныч о всех своих трёх головах, но в потушенном состоянии.

— Здорово живёте! — рявкнули все головы разом, — А почто меня на своё праздник не пригласили. Если бы не знакомая сорока, так и остался бы в неведении, как тетерев на токовище.

— Какое веселье, Горыныч, — немедля откликнулась Яга, — ремонт ступы отмечаем, раз больше нечего. Собрались ненароком по-соседски.

— Ну так и я не с пустыми руками, — с этими словами Змей достал из-под крыла четверть царской водки, пояснив:— Только что с ртутных рудников доставлено. Не извольте сомневаться.

— Вот это дело, — весело откликнулся с порога возвернувшийся под руку с дамой Кощей, — этот продукт до самых костей пробирает. Помнится, я им Соловья-разбойника угощал. Так до сих пор без голоса болезный, одним свистом страх

наводит.

— А ты, Горыныч, чем сейчас промышляешь? — всерьёз озаботилась Баба Яга. — Давненько не виделись. Ты, поди, и дорогу к избушке забыл или моим угощением брезгуешь?

— Какое там забыл? Мне ли нос воротить от твоих яств всеядных? — искренне удивился Змей. — Всё в заботах, матушка, всё в трудах во славу.

— Эвона как! — вновь подал голос Кощей. — А где теперь промысел вёл, где людишек страшал да пожарища устраивал? Слыхом я слыхивал, что Алёшка Попович о тебя палицу обещался почесать. Не страшишься? — это уже ревность к подвигам в Бессмертном до срока заговорила.

— Зряшно говоришь, Кощеюшка, голубая косточка, — миролюбиво пропел Горыныч, — подрядился я царю Ироду, что в Палестинах правит, обустроить неприступную пустыню вокруг границ на радость местному жителю и верблюду, а более всего самому царю, потому как людишками тем легче править, чем их меньше, а хлебопашество засушливее, раз озёра-реки под твоим контролем. Вот и повыжигал всю округу. Правда, ошибся ориентиром да и сотворил пустошь необъятную. Прямо Чёрный континент и сахара сахарой, аж людишки запеклись малость. Столько живности извёл, аж головы кругом! Теперь всё по-новому

надо начинать то ли в Аравии, то ли среди азиатов страх наводить обезвоживанием. Ирод обещался сам место и границы указать. А потому я взял отгул за свой счёт и пропитание. Теперь в родных краях с силами собираюсь.

— Да-а, незадача, — поскрёб под оседельцем Бессмертный. — А мы как раз в те края засобирались. В гости позвал Али-Баба...

— Беспутный малый, — перебил Горыныч собеседника, — сам Баба, так ещё и постороннюю бабу откуда-то приволок, а она половину правоверных с толку сбила. Кто камнями закидать грозитя, а кто-то про всё забывает, когда она танец живота прилюдно исполнять начинает. А главное — распутство среди народонаселения проповедует, как свободу личности. Уж на что я крепок задним умом, да и то над базаром пару лишних кругов нарезал, когда она голыми боками трясла. Так её окорочка поджарить захотелось, что аж дым из-под хвоста, — и он заразительно заржал крайними головами.

— Вот за этой самой Трифиной мы и собрались в те дальние края. Надобно ту беспутную бабёнку на эту королеву обменять, — и Бессмертный указал на свою шикарную безголовую подругу.

Горыныч внимательно осмотрел даму от воротника до пят и горестно произнёс:

— Пропал Восток. У той гастролёрши хоть какая-никакая, но голова есть на плечах, а у этой при такой телесной стати и вовсе бестолковка отсутствует. Сам Али наплачется, так как этой особе уже никакого укорота не сотворишь, опять вино и разврат, — и вновь протяжно вздохнул во все три головы.

— Погоди, — вдруг встряла Яга, — а откуда в краях пророка Магомета вино появилось?

— Так я сам его туда регулярно и поставляю. Что французское полегче, что наше покрепче. Надо же и самому жить и о ближних не забывать, — брякнул Горыныч и со стыда покраснел как варёный рак.

Однако, Кощей поддержал Змея:

— Это правильно! Всем надо простор душевный представлять, если губить необходимости нет. Вон, у нас беглянка Золушка от принцев отказалась по простоте душевной. Так из золотой клетки бежала, что хрустальные чёботы порастеряла в дороге. У Яги сейчас от лишнего сглаза сохраняется. Хорошая девка, ничего не скажешь. И себя блюдет и за хозяйством присматривает.

— Слышал я, что царские скороходы её по всему царству разыскивают. Награду за поимку обещают, — с уточнениями поправил Змей.

— Не-е, не выдадим. Самим сгодится для

домашних нужд, — прекратил пустые разговоры Бессмертный.

И вовремя, так как в избушку ввалились Федотка с Викешкой. С ног до головы грязные, но счастливые.

— Ну, бабуся, принимай работу, — в один голос, как обычно, отрапортовали мастера, — хоть сейчас в поднебесье.

Баба Яга, схватив метлу, тут же засобиравалась в полёт, однако гости удержали от необдуманного шага.

— Успеется и при лётной погоде, — первым осадил Змей Горыныч, — в такую непогоду уж на что я с опытом и то воздерживаюсь. Сижу дома хвост поджавши. При такой видимости человеческий фактор срabатывает прямо до ближайшего пригорока. Порой всмятку, порой соплёй о мостовую. Собирай тебя потом в одну кучу. Завтра полетим. Сажай к нам механиков да мечи всё на стол, что есть в печи, — и он первым опрокинул в ближнюю голову кувшинец медового взвара на жабьих лапках.

Аккурат через неделю и полетели. Пока то да сё, пока похмелье, пока Марию-Антуанетту по лесам разыскивали, как раз и облетели первый раз всю окрестность со всей аэродинамикой глиссады. А уж через месяц полностью снарядились в не ближний путь. Баба Яга, как и положено водителю,

в ступе, а Кощей с королевной в прицепном корыте со всеми удобствами. Змей Горыныч провожал только до границ Муромского леса, а потом возвратился. Уговор был, что он за Избушкой и Золушкой присмотр организует пока товарищи в отъезде. На лешего-то с водяным надежда плохая. Вздумают опять изобретать колесо или самобеглую коляску на чугуине. Ежели в творчество уйдут, так какой с них спрос?

Приземлились путешественники возле Багдада и пошли на базар искать Али-Бабу. А как иначе отловить восточного человека?

2

— Второй месяц в тоске наследник наш пребывает. Слезу точит да ею же умывается, яко девица на выданье либо тать под скорой петлёй. Намедни постельничего Митяя Клопа побил, когда тот в усердии хрустальный башмак из-под подушки в шкаф переставил. А гловно дело, всех фавориток прочь гонит как зачумлённый, ни к единой не приложился. Всем двором не знаем как с ним сладить и какое утешенье представить болезному, — докладывал монарху в тронном зале министр внешних сношений граф Шеремет.

Царь-государь Додон Тишайший опрокинул утренний шкалик рябиновой настойки для

укрепления духа, потянулся до хруста в суставах и, глядя в потолок, произнёс:

— Ты, Вахромей хоть и граф, входящий без доклада во все покои, но не мозоль беспричинно ребёнку глаза и не досаждай расспросами. И мамкам не позволяй лясы точить обочь царевича. Сам разберётся, небось осьмнадцатый годок стукнул в темя, молоко давно на губах обсохло. В силу мужескую входит, блуд почесать полюбовно хочется вот и колобродит. Знаю я его хворь и мигрень. С того самого бала, как возле новой юбки пообтирался, так и взалкал её, словно баран новые ворота, прости господи прогрешенья наши, — и государь опрокинул второй шкалик.

— Это он по той молодке сохнет, которая второпях башмак хрустальный у парадных дверей обронила? — осведомился Шеремет. — А ничего была бабка-ягодка, что спереди, что сзади. Такое холмогорье кругом...

— Язык прикуси, кобелина! — рявкнул государь. — Совсем от рук отбился в царских опочивальнях. Не твоего ума это дело. Ты сам-то с женошкой князя Орефьева разберись. Не смотри, что его высочество либерал и на амуры супруги сквозь пальцы смотрит. Перейдет в консерваторы так одним палашом вас навек в обнимку-то и успокоит. Лучше Гвидошке передай, чтоб непременно за утренним кофеем был. Буду ему

наказ давать.

Венценосные особы сидели на концах длинного стола и завтракали. Батюшка-государь кушали вдохновенно, сын лишь портил разносолы, ковыряясь в них столовыми приборами без должного потребления, словно домашняя свинья в заморских апельсинах. Поодаль обретались любимая кормилица Орина Радивоновна и эксперт по женской доле, старая карга и воспитатель, давно и безвозвратно обрусевшая мамзель Жоржетта де Курносон. Женский пол был приглашён лично царём для поддержки в наказах или при открытом неповиновении царственного отрока.

— Знаю твою печаль, — нарушил молчание царь Додон, — но и ты возьми в толк, что я чуть не половину войска бросил на поиск твоей Дуняшки. Сколько девок на примерку во дворец согнали! Всё напрасно, как песок сквозь растопырку пальцев, ни одной туфля не подошла. Однако, пора и честь знать. Вдруг на царство-государство ворог нападёт? Какой силой отбиваться, ежели солдат за бабой по лесам и лугам гоняется? — и государь тяжело вздохнул, вытирая губы рукавом богатого халата.

А надобно сказать, что царевич Гвидон Ясное Око, прозванный так за незамутнённость взора грубой житейской мыслью, был юношей видным издалека и большим охотником за дичью и бабами. Замысловатое же имя было дано матушкой

Софьюшкой намеренно, ибо в случае неминуемой гибели родителей от руки самого нетерпеливого наследника из обильной царской семьи, как это заведено во всех цивилизованных странах, Гвидоша оказался бы не у дел из-за такого случайного, явно не наследного, прозвища. Да и народ не пожелал бы видеть на троне самодержца с таким затейливым названием. Вот так, ещё с пелёнок берегла Софья-мать свою полюбившуюся кровиночку от всякой мокрухи возле трона. Сам же Гвидоша рос неприхотливым к власти. С младых ногтей любил он созерцать весенние речные водовороты с оступившимися в них прохожими да нежный полёт мотыльков к открытому огню. А за кротость нрава обожали его не только родители, но и весь двор с его хозяйственными пристройками и сенными девками. Царевич отвечал на это кроткой любовью на словах и телесным вниманием на деле. Так и шло безоблачное время, пока царевич не влюбился в эту самую Дуняшу, возникшую ниоткуда и канувшую в никуда. Можно было плюнуть с высот государственно власти на всю эту романтику неразумного чада, но как раз к этому времени выяснилось, что только Гвидон и подходит на роль престолонаследника, так как прочие отпрыски мужеского рода были и того хуже.

— Папаня! — вскричал царевич тонким голосом, — Нет мне жизни без той королевы бала,

без любезной Дуни-тонкопяхи. Уже месяц стоит она перед моими глазами, как тот голый статуй перед спальней. И нет мне нервного успокоения ни ясным днём, ни тёмной ночью, — и тяжёлая слезина скатилась по щеке наследника прямо в чашу с гороховым супом, а голос и вовсе взлетел под своды царской едальни:— Тятенька, не велите сыск прекращать! Где-нибудь да найдётся моя голубица! Хоть в расцвете телес, хоть во гробе тесовом! — и он залил солёной слезой весь медовый десерт.

— Полно, сын, — повысил голос царь, — мы за этот месяц и так всю военную стратегию коню под хвост пустили. А супостат не дремлет! Тевтонские псы-рыцари наемни порубежный Тверец переплыли. К добру ли эдакое форсирование? А ты всё сопли на кулак наматываешь. Найдём тебе сарафан с кокошником чтоб утешиться! Да не один, а в голландских кружевах ручной работы, — и государь хватил уже пустой рюмкой об стол.

Царевич разом подобрал сопли, отряхнул с камзола крошки и встал из-за стола.

— Пойду повешусь, — просто сказал молодец и спорым шагом зашпешил к дверному проёму.

— Стой, сынок! — вне себя от дурного предчувствия сипло выкрикнул любящий отец, полагая, что может лишиться

престолонаследника. — Стой, не торопись на себя руки наложить. Это всегда успеется. Все и так не сегодня, так завтра там будем. Повремени дня три-четыре. Начнём во все государственные головы думу думать, как помочь тебе в скорби, а потом и огласим весь список на общем сходе думских бояр.

На том и порешили ближайшие сродственники, а разойдясь по разным углам, стали надсаживать головы раздумьями о членовредительском суициде и другой какой пользе от брачных уз. Царь-государь и батюшка Додон Тишайший в эти дни даже перестал тешиться со здравствующей царицей Софьюшкой из боярского рода Маслославсих Рюрьевичей, позабросил девок из ближнего круга фавориток, так что даже придворные стали на него посматривать косо, и в одиночестве уехал рыбачить на Чудское озеро всего с одним полком стрельцов. А уже сидючи с удочкой на берегу славного водоёма и в одиночестве насаживая червяка на крючок, горько размышлял — на какую бы наживку изловить своего кровного детинушку, чтобы тот не портил воздух стенаниями и не исходил бабьей тоской по вертлявой Дуньке. И ещё прикидывал — кого бы тишком подослать к сынку, чтобы выкрасть башмак, второпях потерянный беглой девкой. А там, сотворив подделку по ноге любой девицы с родословной, повязать сынка по рукам и ногам

скорой свадебкой. Вот дельце-то и выгорело бы, вот и излечился бы вьюнош от любовной хвори. И волки сыты, и овцы целы, как в народе говорится. Но заковыка была в том, что Гвидошка не расставался с обувкой. Днём носил под кафтаном у сердца, а ночью прятал под подушку. Вот и думай, как изъять вещественное доказательство любви и страсти. Придётся тюрьмы-каторги перетряхнуть, кой кого из петли вынуть, лишь бы самого ловкого вора сыскать в государстве. Задача! И повелел Тишайший тот же час искать самого изворотливого колодника по всем застенкам и узилищам, а для отвода глаз наказал приволочь во дворец таких дам полусвета, чтобы от одного их вида, не токмо у сынка кровинушка взыгрывала, словно норов у необъезженного скакуна, но и у всех придворных шлея под хвост врезалась бы без разницы в возрасте и вероисповедании.

Наследник же, Гвидон Ясное Око, всё это время проводил в смертной тоске и родовых муках приемлемого решения назревшего вопроса прощания с жизнью во цвете лет. Не выходя их отроческих покоев, он то и дело готовился к уходу в мир иной. Однако, вешаться не хотелось, а как представлял себя с фиолетовым языком на плече, с глазами навывкат и лужей под сапогами, то петля и вовсе вываливалась из рук. Чуть было самоутопление к себе не примерил. Но опять же

досадная осечка и та ещё картина! Представлялся ему до посинения опившийся грязной водой труп, кое-где обглоданный сомами и раками. То есть никакого к тебе уважения при закрытом гробе на похоронах. Да и заруют за церковной оградкой. Такие вот невесёлые пироги на поминках. А яду, хотя бы и крысиного, нигде не находилось. Поэтому чаще погребальных дум доставал из-за пазухи хрустальный башмачок, целовал и гладил его, представляя перед мысленным взором любимую девицу и понапрасну расходуя свою мужскую силу. До того довёл себя безумец, что не успевал сушить гульфик. Иссох совсем бедный молодец, в тень превратился не евши, не пивши. Стал доска доской, и хоть ранее даже мух не обижал, то теперь от комара отбиться был не в силах. Няньки-мамки, которые сиськой вскармливали и те, кто по молодости постельным наукам обучали, с ног сбились, стараясь отвести царевича от горьких дум. Но не обращал Гвидон на них внимания, а лишь теснее прижимал к сердцу башмак, да молил угодников о встрече с любимой Золушкой, с ненаглядной Дуняшкой. Обслуга дворца уже начала перешёптываться по углам, что наследник тронулся умом, что, мол, пора вешать над покоями жёлтый фонарь, а входить в опочивальню лишь парно и с кнутами. И уже стали всем миром приглядываться к его малолетнему

братцу Емельке, как к тирану, без покаяния козлившего кошек в голоштанном своём отрочестве. И совсем уже было царедворцы духом сникли, но на третий день Успенья царевич сам решил задачу. Огласил он с отцовского амвона, что седлает коня и пускается вскачь по городам и весям искать свою суженую. И так, до полной победы. А с собой возьмёт провизии на целый год да всего один невеликий заградительный отряд для охраны. Так и батюшке сказал с глаза на глаз. Отец же не удивился, только повелел:

— Погоди маленько с походом. Пойдём в приёмную залу, я тебе подарок на долгую память припожалую.

Сын согласился и родственники перешли в богатое помещение для приёма дорогих гостей. В зале пусто, как после похорон, и даже камин не пылает. Сели в бархатные кресла с балдахинами. Тут-то и хлопнул Додон первый раз в ладоши. Да так громко, что Гвидон от испуга даже глаза прижмурил. А когда очи разлупил, то с удивлением увидел, как из открывшихся входных дверей вышла женщина несказанной красоты и нерушимого телесного здоровья. Вся в парче и бархате, и на голове шляпа со страусовым пером словно у французского военного мушкетёра. А из-под головного убора такой силы взгляд, что хочется упасть ниц, за что-то просить прощенья и лобызать

ножки в туфлях с алыми бантами и чулочках нежной белобрысой расцветки. Роскошные рюши и кружева наряда полностью маскировали не очень обильную грудь, но зато лицо, сиявшее холодной красой туманного Альбиона, излучало надменность и меланхолию своими правильными продолговатыми чертами. Что, собственно, весьма свойственно жительницам средней Англии.

— Леди Гамильтон, урождённая Эми Ласон, — возвестил находящийся подле неё граф Шеремет. — Супруга британского посла в Неаполитанском королевстве сэра Уильяма Гамильтона, действующая любовница адмирала Нельсона и задушевная подруга Австрийской королевы Марии-Каролины. Прибыла на перекладных прямо из-за Пиренейских гор. Готова оказать любую характерную любовному недомоганию услугу, ранее оговоренную в приватной беседе с царём-батюшкой на водах в Карловых Варах и по твёрдым международным расценкам.

А Эми тем временем павой прошла по покоям, придерживая подол расшитого жемчугами платья своею белоснежной рукой, унизанной перстнями. В то же время она успевала соблазнительно покачивать бёдрами и томно поглядывать по сторонам. Остановившись супротив царского наследника, леди Гамильтон сделала ему

ручкой, как старинному знакомцу ещё по детским игрищам и забавам.

— Папаня, — в ответ на эти вольности обратился к Додону молодой Гвидон, — Папенька. А что всё это значит? На каком основании фамильярничают эта дама, с коей я не знаком даже шапочно?

— Сын мой, — сквозь любезную улыбку, приготовленную для дамы, выдавил государь, — леди Гамильтон, пожертвовав собственным временем развлечений, охотно согласилась развеять твою печаль, пока адмирал в морских походах, а муж за карточным столом. Спасибо, по старой дружбе не отказала в столь незначительной просьбе. Эта дама побывала во многих опытных по жизни руках, так что тебе с нею будет весьма интересно и безо всяких излишних хлопот первого знакомства, — и, встав с кресел, государь протянул даме руку для поцелуя. Эми же ограничилась лишь рукопожатием, совсем по-домашнему и без излишней чопорности, что весьма покорила царя, привыкшего к соблюдению дворцового этикета.

— Хороший мальчик, — кивнула в сторону Гвидона своей аккуратной головкой леди Гамильтон, — непорочный красавец.

— Да, да, непорочный, — поспешил заверить Додон, — спешу полностью передать юношу в твои умелые руки, — и он широким жестом указал на